

— Преследование звезд? — Нань Суминь замер, ошарашенный тем, что услышал слово, столь часто употреблявшееся в его прошлой жизни. Он едва не прыснул со смеху, но в последний момент удержался, сохранив подобающее юному главе клана высокомерие.

— Преследовать луну, догонять звезды... Красивые имена. Вы сменили их, как только попали сюда? Как вас звали раньше?

Оба в один голос ответили:

— Да, господин.

Чжу Юэ улыбнулся:

— Мы оба из крестьянских семей из деревни у подножия горы Фаньсинчжоу. Нам выпала удача, мы смогли начать путь самосовершенствования и были отобраны в качестве внешних учеников зала Нефэн. Имена Чжу Юэ и Чжуй Син нам дал наставник Мо Цюэцюэ. Наши прежние имена были грубыми, не стоит ими марать уши старшего брата.

Нань Суминь, видя, как старательно этот мальчишка пытается казаться взрослым, невольно усмехнулся. Это было даже забавно, но о наставнице Мо Цюэцюэ он ровным счетом ничего не помнил, поэтому поспешил сменить тему:

— В каком году вы пришли в Фаньсинчжоу?

— Три... три-четыре года назад, — ответил более замкнутый Чжуй Син, словно боясь, что из-за долгого молчания Нань Суминь останется им недоволен.

Внешним ученикам не позволялось покидать пределы горной обители без дела. Судя по их возрасту, они еще не могли отправиться к пику Цзяньмэнь за именной табличкой. Дети, которым едва исполнилось десять лет, в его прежнем мире были беззаботными малышами, а здесь уже жили вдали от родных, сами по себе. Подумать только... как же это печально.

Нань Суминь вздохнул и, подражая тону Нань Чичжи, который всплыл в памяти, торжественно произнес:

— В это время вы оба потрудились на славу, но сейчас мне не требуется ваш присмотр, можете заняться чем-то другим.

Их перевели в Северное озеро совсем недавно. Раньше они выполняли лишь самую черную работу и привыкли, что ими постоянно помыкают. Они никогда не встречали столь мягкого в общении внутреннего ученика, кроме Нань Суминя. Внезапно услышав такие слова, они в испуге затараторили:

— Нет-нет, мы совсем не устали!

Эти дети были сообразительными, но прямолинейными. Особенно Чжуй Син: услышав, что Нань Суминь сначала спросил, как их зовут, потом вежливо поблагодарил, а напоследок сказал что-то похожее на прощание, он решил, что в чем-то провинился и Нань Суминь хочет сменить прислугу. У него перехватило дыхание, он не мог вымолвить ни слова оправдания, лишь закусил нижнюю губу, а в глазах, блеснувших в свете ламп, задрожали слезы.

Нань Суминь, увидев, что ребенок готов разрыдаться, понял, что его неверно истолковали. Он потер переносицу и с легкой усмешкой сказал:

— Чего вы плачете? Я же вас не ругаю... Вы отлично за мной ухаживали в эти дни, мне стало намного лучше, и теперь мне не нужно, чтобы вы неотлучно находились рядом. Например, такие мелочи, как погасить свет, я могу сделать сам, не стоит утруждать себя.

Услышав это объяснение, Чжу Юэ и Чжуй Син заметно расслабились. Чжу Юэ сложил руки в приветственном жесте:

— Благодарим старшего брата за заботу.

Нань Суминь взглянул в окно: луна висела высоко в небе, наступила полночь. Он махнул рукой:

— Поздно уже, идите спать.

Тринадцать-четырнадцать лет — самый возраст для роста, нельзя пренебрегать сном.

Оба переглянулись, и Чжуй Син сказал:

— Старший брат, еще не так поздно... Давайте мы сначала обслужим вас, а потом уже пойдем.

Нань Суминь посмотрел на этих упрямых детей, беспомощно потер переносицу и, помолчав, улыбнулся:

— Хорошо. Раз уж я все равно не могу уснуть, посидите со мной, поболтаем.

Этой ночью Нань Суминь задал немало вопросов, которые, как он понял сразу после произнесенных слов, не подобало задавать Нань Чичжи. Но слово — не воробей, оставалось лишь ждать ответа. Впрочем, судя по их детской непосредственности, они не могли заподозрить Нань Суминя в неискренности и лишь серьезно обдумывали странные вопросы, которые взбрели в голову юному главе.

Внешние ученики никогда не были так близки к кому-то столь влиятельному, как внутренний ученик, но этот юный глава Нань Чичжи казался совсем не похожим на тех, кого они видели раньше.

Они уселись на пол у кровати Нань Суминя, подле девятирожковой медленной лампы, и их манера держаться стала куда непринужденнее. Когда речь зашла о первых годах в Фаньсинчжоу, Чжу Юэ принялся загибать пальцы:

— Я тогда думал: попасть в крупнейшую секту Восточного материка — это удача, которую не заслужить и за три жизни... Поэтому я должен усердно совершенствоваться, прославиться, а потом вернуться в деревню и показать родителям, что их сын чего-то добился, хе-хе... — Он не сдержал смущенной, почти детской улыбки.

Чжуй Син почесал затылок, посмотрел на Чжу Юэ, потом на Нань Суминя и честно признался:

— Когда я только пришел на Переднюю гору, я был еще совсем мал. Мне казалось, что здесь так просторно, дома такие огромные, крыши такие красивые — куда богаче, чем в деревне. Но я впервые оставил папу и маму, мне было страшно. Сверстники не всегда были добры, некоторые вели себя очень грубо. В ту ночь я так и не смог уснуть, ха-ха... На следующий день я не знал, на какой пик меня отправят, чему будут учить...

Он говорил отрывисто, путано, но в его словах было столько искренности, что Нань Суминь, слушая, словно видел перед собой того растерянного ребенка, который впервые столкнулся с жестокостью мира.

Слушая его, он вдруг поймал себя на мысли, что и сам сейчас чувствует нечто подобное.

Луна поднялась в зенит. Чжу Юэ, сияя глазами, спросил:

— А вы, старший брат? Говорят, вы тоже пришли в Фаньсинчжоу совсем маленьким, даже младше нас?

— Я? Да, все верно, — Нань Суминь улыбнулся, вспоминая образ человека в одежде цвета лотоса, который возник в его сознании, когда он только очнулся, и его голос, зовущий его А-Хун.

Должно быть, это и был пропавший глава клана Нань Хуай.

В глазах Чжуй Сина отразилось пламя лампы, он с восторгом произнес:

— Вы уже в четырнадцать лет сформировали золотое ядро, весь Фаньсинчжоу знает о вашем таланте. Глава клана возлагал на вас большие надежды, раз сделал исключение и назначил своим преемником... Если бы... если бы я тоже был так одарен, как вы, и удостоился внимания

главы...

Он вдруг осознал, что разговорился лишнего, поспешно вскочил, прикрыл рот рукой и, дрожа, попросил о наказании:

— Я... я сказал лишнее, проявил дерзость, не стоило мне мечтать о таком! Прошу юного главу наказать меня!

Нань Суминь, разумеется, не видел в словах ребенка никакой дерзости. Едва сдерживая смех, он велел ему сесть.

Чжуй Син, все еще испуганный, пробормотал:

— Благодарю юного главу... Впредь я буду... буду следить за своими словами...

Нань Суминь хотел похлопать мальчика по плечу, сказать, что не стоит так переживать, но из-за ноющей боли в ране не смог даже приподняться, поэтому лишь на словах попросил его не брать в голову.

Жизнь в мирное время, в демократическом обществе, сделала его характер спокойным, даже немного ленивым. Он никогда не видел, чтобы люди были настолько разделены — когда даже в уединении нельзя позволить себе помечтать. Для подростка это было слишком жестоко.

В то же время его нынешний статус «юного главы» казался чем-то чуждым, застрявшим в горле, словно туман, некстати опустившийся на спокойную гладь воды... Лишь воспоминания, принадлежащие Нань Чичжи, на время разгоняли этот тревожный туман.

Хотя в его памяти сохранились обрывки прошлого, он все же не был тем гениальным юным главой.

Отправив детей спать, он, стараясь не потревожить рану, осторожно перевернулся, чтобы погасить лампу. В погружившемся в тишину павильоне он остался наедине с лунным светом.

<http://bllate.org/book/19119/1877634>